

When quoting site materials, we ask that you provide the link to the original source that owns the authorship (<https://nevzlincenter.huji.ac.il/ukrainian-jewish-refugees-israel>) and the title of the project, "Ukrainian Jewish Repatriates in Israel: Jewish Identity in the Context of the Russian-Ukrainian war."

Each particular file should be quoted as follows: UJRI_Number_Informant's initials (e.g., UJRI_001_MG)
Thank you!

При цитировании материалов сайта просим указывать ссылку на источник правообладателя: <https://nevzlincenter.huji.ac.il/ukrainian-jewish-refugees-israel> и название проекта: «Еврейские репатрианты из Украины в Израиле: Еврейская идентичность в контексте войны России и Украины».

Ссылка на индивидуальные файлы: UJRI_Номер файла_Инициалы информанта (н-р., UJRI_001_MG)
Спасибо!

UJRI_085_AK

Inf.: АК, F., b. 1989.

Int.: МК, PZh

Hadera, June 22, 2023

1 hour 46 min.

[00] Int.1: Добрый день. Меня зовут МК, я сейчас работаю в центре Невзлина в Иерусалимском университете, мы проводим такое исследование, разговор с украинскими евреями-репатриантами, которые приехали в последние годы из-за войны. Вот, если можно расскажите немножко о себе сначала, о жизни до переезда.

Inf.: Я, вообще, родилась из Днеп... в Днепре. Семья моя вся в Днепре, и потом я вышла замуж в Житомир, и потом уже с семьёй, соблюдающей еврейское, переехали из-за работы в Киев и последние годы мы жили в Киеве, выезжали мы уже из Киева.

Int.1: Хорошо, Вы, когда родились, в каком году?

Inf.: В 89-м родилась, в Житомир мы приехали, это был, получается, четырнадцатый год.

[01] Как раз донецкая война, как раз туда переселенцы приехали. И вот мы poznali первые, скажем, первые этапы их жизни и первые этапы жизни без кашрута, потому что укркошер – кошерная продукция, которая была в Украине, она была в Донецке. И когда я вышла замуж, то как раз вот мясо, молочка – все это пропало, потому что донецкое производство надо было куда-то передвигать.

Int.1: У Вас дома, где Вы родились была традиционная семья, религиозная?

Inf.: У нас нет, у нас была абсолютно светская семья, семья атеистов, которые прошли через все прелести, скажем так, постсоветского пространства и советской жизни, когда...

Int.1: А кто родители?

Inf.: Как папа шутил – медики и педики. Медики и педагоги.

Int.1: Ага.

Inf.: То бабушки и дедушки все медики, а родители педагоги, ну, и в университете говорили, что или ты едешь куда-нибудь или не высывайся со своим носом.

[02] То есть такое они всё прошли.

Int.1: Они из Житомира сами, да?

Inf.: Нет, мои родители из Днепра, это муж из Житомира.

Int.1: Из Днепра, они там и жили?

Inf.: Да.

Int.1: Понятно. А, как Вы встретились с мужем?

Inf.: Как говорят, ашгаха прати. Был молодежный семинар в Днепре, и я тогда ходила на курсы по еврейской традиции, тогда они назывались 770.

Int.1: 770?

Inf.: Да...

Int.1: А, Вы – Хабад?

Inf.: Да, мы – Хабад. И мой преподаватель он говорит, слушай, у нас будет семинар, если хочешь, приходи, пожалуйста, на открытие, нам надо же, чтоб фотография,

всё, чтобы было много людей. Я говорю, давай, мне интересно. Я пришла, интересный семинар. Говорю – слушай, можно я задержусь? Да не вопрос, оставайся. На второй день приезжает молодая компания из Житомира, причем они так опаздывают сильно, вваливаются в середине курса, смеётся, руководитель, который ведет программу, потому что она их уже знает.

[03] Они всегда такие немножко с балаганом приезжают и начинают представляться, и там Женя, Миша, Перец. Я думаю, смешно, конечно, парень, ну – кто-то с фамилией Чувак, кто-то Перец – мало ли, я тогда не знала, вообще, что еврейское имя такое есть и как-то разобшались и все пошло.

Int.1: Ваша девичья фамилия?

Inf.: Д.

Int.1: Д., а сейчас?

Inf.: К.

Int.1: Вы пришли к еврейской традиции, как-то в Днепре через молодежные..?

Inf.: Да, вот в Днепре. Вот как раз через 770, потихоньку стала приближаться к еврейству, стала чуть-чуть соблюдать. И там как раз был такой проект, что можно было на шаббат остаться где-то в семье, и вот я как раз начала соблюдать шаббат, чуть-чуть стала приходить к кашруту, и когда мы поженились, то уже с мужем стали двигаться дальше.

[04] Int.1: У родителей кто-то был, ну, бабушки, дедушки религиозные вот?

Inf.: Религиозных в семье не было никого. Потом, я, когда пошла мама сначала: а, ну, понятно, очередная секта. Потом уже чуть успокоилась, а когда я вышла замуж за такого же парня, как я сама, она говорит: всё, хорошо, ладно. Так, что надо делать? Как там с кашрутом? Ну, пойду вам в Днепре кастрюлю окуну, ладно.

Int.1: То есть она стала...

Inf.: Моя мама, слава Богу, да, да. Она очень поддерживает, последний год, вот перед отъездом она сделала кучу консервации, которая там вся осталась. Она звонила и спрашивала, я хочу вам сделать вишню, как ее перебирать? Клубнику, я говорю, мама с клубникой не заморачивайся, всё забыли. То она, да, она очень поддерживает. Мы сейчас вывезли ее сюда, слава Богу, с началом войны тоже. И она живет в Хайфе, приезжает к нам на несколько дней в неделю.

Int.1: Замечательно. А бабушек, дедушек Вы помните своих?

[05] Inf.: Я когда родилась, нас жило семь человек в трехкомнатной квартире, это было четыре поколения получается. Моя прабабушка, бабушка с дедушкой, мои родители, ну и мы с братом. Я их всех хорошо помню, да. Все светские были. Прабабушка получается она седьмого года рождения, то есть она пережила Первую мировую и про ее сестру рассказывала мама историю. Ну, мама и бабушка, да, рассказывали истории, что она была из тех, кто там сегодня приходит, говорит, белые идут, завтра приходит, говорит, красные идут, она несколько раз меняла паспорта, меняла себе год рождения. Были такие истории. Дед служил во Второй.

Int.1: А бабушка?

Inf.: Бабушка была в эвакуации, они вязали рукавички для военных, когда отдельно палец указательный, чтоб стрелять.

[06] А дед, это «огненный выпуск», вот этот, когда с выпускного их забирали на войну, и он выучился на лейтенанта, это делали срочный курс. И он был лейтенантом, и он возил припасы, боеприпасы на баржах. И тоже про него рассказывали разные истории, когда его там спасали, деды, которые у него служили, его там кидали в окопы куда-нибудь, чтобы его не снесло, тоже рассказывали.

Int.1: Ага, про Израиль думали, вообще, раньше, вот, уехать?

Inf.: Думали, поэтому сюда и приехали, потому что в эвакуации было предложение в разные стороны, да? Но мы думали, потому что у нас религиозная семья, у нас мальчишки. Мальчишки учат... ну, там учились в Анатевке, получается в Анатевке – это

тоже религиозное направление. Ну и мы думали, как дальше? Куда дальше? Ешива? Что будет? И слышаны уже были, что там уровень ешивы тоже имеет значение,

[07] чтобы поступить, где ребенок учился раньше. И всё, то есть мы про Израиль действительно думали.

Int.1: До войны?

Inf.: Да, конечно, чтоб детям... ну, можно было учиться, развиваться и было куда поступать и всё, чтоб была какая-то база хорошая для них. Но, мы думали не сейчас, с одной стороны, вроде как направление сюда было, но, готовности ехать еще не было.

Int.1: А у мужа семья традиционная?

Inf.: Нет, тоже светская.

Int.1: Тоже светская, да.

Inf.: Скажем так, мы попали в окружение, которое нам подошло, и мы ушли за этим.

Int.1: А был какой-то человек, который на вас повлиял раввин или вот какой-то учитель?

Inf.: Конкретного одного человека я не выделю, скорее, когда ты попадаешь в общину, ты уже смотришь примеры, которые вот есть вокруг. Просто ты уже отсеиваешь себе там как-то, потому что я помню мы с девочками поднимали тему цниута. Да?

[08] Как после светской жизни, после джинс, после всего – я, тем более, хореографом работала когда-то, то как бы после этих открытых платьев для выступлений, как я могу потом пойти, и закрывать колени, и закрывать локти и все это. То мы говорили, что смотрите на тех женщин религиозных, которые выглядят стильно, ну посмотрите, это ж гораздо бывает красивее, чем просто девочка идет по улице. А, муж получается он родился в Житомире, потом его семья в какой-то период приехала сюда и первый класс он учился здесь, и несколько лет они жили в Израиле, потом вернулись обратно в Украину, обратно в Житомир и там он был в общине, внутри общины, потому что он был в еврейской школе и очень рано он выехал, там был такой как детский городок Алумим, там учились дети, которые имеют еврейские корни, и их родители хотят, чтобы они были с еврейством.

[09] А у них, например, в городках нет ни синагоги, и ни еврейской школы и ничего такого, и там были дети из неблагополучных семей. То есть это как бы полудетдом, полу-пансионат, полу- еврейское религиозное образование, то есть что-то такое смешанное. И вот мой муж, когда закончил еврейскую школу, то он приехал туда и стал там работать.

Int.1: А иврит Вы изучали?

Inf.: Там нет. Ну как? Это нельзя назвать изучали. Это знаете, после таглита всегда кто-то учит чуть-чуть что-то, но, мои курсы всегда заканчивались там – два месяца, это потолок. Муж знает иврит по детству, потому что он был здесь в детстве в школе, да? И он какую-то базу наработал, и потом в Украине он часто разговаривал с шалиахами, которые плохо говорят по-русски, и тогда они переходили на иврит, он понимал. Ну, как бы у него было. Ему говорили, ну, давай, давай хотя день в неделю давай ты будешь с нами разговаривать на иврите, или там какие-то фразы, и ну, начинал он говорить на иврите.

[10] Мы такие – о'кей и возвращаемся, ничего непонятно. Ну, то есть мы не смогли сделать так как некоторые семьи, допустим, папа говорит на иврите, мама говорит по-русски, и тогда дети билингвы, ну, то есть, такого у нас не было, приехали мы сюда и начали учить здесь.

Int.1: Дети тоже не учили вот в Анатевке?

Inf.: Дети в Анатевке учили буквы, это помогло, конечно, с одной стороны, с другой стороны, например, у меня старший учил прописные буквы, приехал сюда здесь печатные, и у него все сбилось, не смог перестроиться. И в принципе, он мальчик такой консервативный, ему сложно что-то менять. Мы, когда из Житомира переезжали в Киев,

то ему было три года и мне детская психолог, у нас случилось так просто, что раннее плавание, детская гимнастика и психолог – это все было в одном лице, и она его хорошо знала, получается от рождения. И она говорит, что смотри – он консервативный, ему будет плохо с переездом, то первые минимум с полгода только детский садик и дом, и только одной дорогой.

[11] То есть, настолько ребенок, вот. Вот ему надо свои рамки – и все. И поэтому мы, когда сюда переехали, многое вот слетело, потому что он просто потерялся, ему нужны были какие-то вот его рамки, его стенки. Мы приехали, получается, к моему брату жить сначала, и первые пару месяцев мы жили у его.

Int.1: Брат здесь давно?

Inf.: Да, брат здесь давно. Брат здесь около девяти лет. И мне сын приходил и говорил, когда у нас уже будет что-то своё, то есть ему не хватало вот этой опоры, чего-то, что он четко знает, что это вот – это так.

Int.1: Вы ожидали, что будет такая война?

Inf.: Нет, конечно. Числа четырнадцатого февраля мне муж сказал, муж очень следит новости и все и разные сферы новости – и еврейские, и финансовые, там политические, разные. Он мне сказал, что вот ходят вот такие разговоры по поводу того, что будет 16-го какая-то

[12] или война или военная акция какая-то. Так как было много информационной войны тогда, мы подумали, что будет вот так же продолжаться информационная война. И муж вообще, как бы, не очень серьезно это все воспринял, я ему предлагала... ну я такая, я паникер, я родилась 9-го мая, мне все детство рассказывали про войну, то у меня война – это прямо фобия какая-то. И я ему говорю, что слушай, дети, давай мы вывезем хоть на время, давай, вот, переждем этот период. Не будет ничего, слава Богу, вернемся назад, то есть, я такая немножко паникующая, и вот давай-давай куда-нибудь. А он – нет, у меня молодежный семинар, у меня даты, у меня сроки, мне надо готовить, нет, мы не поедem. Ну, о'кей, не поедem, так не поедem, единственное, что – это у нас у младшего... у нас трое сыновей, у младшего не было загранпаспорта, то вот мы пошли срочно оформлять загранпаспорт ему.

[13] И купили большой чемодан. И всё, у нас было сначала, пока мы ждали свой большой чемодан, у нас был маленький стрёмный чемоданчик, как говорят, документы, одна сменка для детей, что-то в... зима еще была, что-то из... то ли плед один на всех, что-то такое, вот. Подгузники.

Int.1: Стрёмный чемоданчик?

Inf.: Ну, как бы чемоданчик на..., срочный чемоданчик, стрёмный мы его называем, да стрёмный чемоданчик, если что-то случится. Вот. А 16-го...

Int.1: А на память вот вещь, что-то такое?

Inf.: На память ничего тогда, вот маленький чемоданчик, это было что-то очень срочное, если припечет, и потому что как бы боялись, но не... не ждали прям чего-то глобального и сразу. Брат мне, вообще, говорил, малая, да не парься, Киев, да пока до Киева дойдут, я ему говорила, слышишь, вообще-то, есть самолеты.

[14] Вообще-то, есть сейчас всё и в чем проблема. Но он – нет, – говорит, – малая не парься, все хорошо. Ладно. Я парилась, никто не парился, скажем так. И 16-е, это, если я не ошибаюсь был шаббат или около шаббата, и мы все были немножечко на нервах. И в синагоге мужчины говорили только об этом. И, слава Богу ничего не...

Int.1: А вы ходите на Подоле в синагогу?

Inf.: Да, это как раз донецкие выехали в Киев, и это донецко-киевская община получилась. И мы приехали работать как бы в проектах этой общины, то мы были в Подольской и жили недалеко там на Подоле как раз. Ну, а я ж посмотрела бомбоубежище, все такое. Значит, наше ближайшее бомбоубежище – это два квартала по широкой четырехполосной улице. И значит, это убежище, это полуподвальный гараж, без дверей, без ничего. Вот это шлагбаум.

[15] Ну, ладно, в общем, ждем, слава Богу, ничего не произошло. Я стала ждать 23-е, потому что День защитника отечества и все такое. 23-го тоже все хорошо, все слава Богу. И мне приходит смс-ка, что можно забирать загранпаспорт ребенка, ну, я прихожу, очередь большая, не успеваю забрать, всё, мы ушли. И 24-го в 5:38, я помню, у меня электронные часы, я слышу хлопок, ну, как бы хлопок и хлопок, я лежу и успокаиваю себя: так дернулась только одна дверь, дверь другой стороны не дернулась, сработала только одна сигнализация в машине, наверное, это или петарды, или что-то такое. Спокойно, спи, всё хорошо. Аутотренинг. В семь часов пришел муж, говорит, все, началась война уже официально. Мы выглядываем в окно, огромная очередь у банкомата, там человек 15 уже стояло. Я брату сразу позвонила.

[16] Я говорю, извини, конечно, что я бужу тебя так рано, но у нас война, а я буду заниматься семьей, а ты займись мамой. И мы стали думать, что делать, и, слава Богу, вот когда 16-го мы ждали, мы стали искать кто из друзей с машиной и, кто сам, и стали обзванивать и один друг нам сказал, что, да, хорошо, если я буду в городе, то помогу вывезти семью, куда-нибудь. И вот мы 24-го набрали его и говорим, ты сможешь или нет? Он говорит, ты знаешь, сейчас я не повезу, потому что сейчас встали в пробках все. И действительно, мы знаем, наши знакомые, которые выехали на своей машине вот так около семи-восьми утра, они встали в пробку, и они не могли выехать из города просто, они больше трех часов стояли на одном месте просто, ни в туалет, никуда не выйти, дети вот. У них, по-моему, еще кто-то из домашних животных, в общем, или кошка, или собака, и вот они все в одной машине, никуда не выйти и не понимаешь, чего ждать.

[17] Потому что началось с того, что аэропорты, да? С неба, то значит, жди с неба тоже. И стоять вот так, ничего не мочь сделать. И он сказал, я не поеду, это только спалить бензин в пробке, ждем, когда рассосется. Хорошо, мы ждем, когда рассосется. К нам приехали друзья, которые жили, у них из окна было видно аэропорт Жуляны, и они видели, как это все взорвалось. Молодая пара, только недавно ж поженились, года еще не было. И они звонят и говорят, они тоже житомирские, П., мы боимся, – мужу моему, – мы не хотим быть сами, мы приедем к тебе. Вот, они приехали. Мы собрали свой большой чемодан, я в девять утра еще успела сбежать, забрать загранпаспорт ребенка, слава Богу, был готов. Я спросила, друзья наши делали – буквально им на полдня или на день позже нас подали документы детей тоже, тоже малыши только родились. И девушка посмотрела и говорит, что не успели сделать

[18] и уже не сделают, и говорит, мы сейчас все опечатываем, уже все, кто сейчас не забрал, тот не заберет. И ну вот так нам повезло, можно сказать. Я шла по улице, бегали солдаты, люди очень боялись, летит самолет, люди начинают идти под навесы, под что-нибудь, вот так жмутся, улыбаются, но говорят: как-то страшно. В аптеках огромные очереди были сразу. И причем очень было смешно, я пошла тоже, у меня закончились детские лекарства, и я думаю, что сейчас все заберут и ничего не будет. И непонятно, когда мы сможем купить, куда мы выедем, не выедем. Комендантский час, тем более, ввели почти сразу, сказали, что вечером нельзя будет выйти. То я пошла в аптеку, ну – огромная очередь, то понятно, и стоят люди, есть кто-то, кто говорит, что четко по списку: эластичный бинт такой метраж, столько-то, стерильная вата столько-то там, такие-то ампулы, ну то есть все четко по списку, жгуты, ну, прям, готовятся сильно.

[19] А есть люди, которые вот так смотрят по прилавкам, что есть, а это от чего? А, ну, давайте на всякий случай, пусть будет. Там шприцы дайте мне штук 10, нет, дайте ещё. Ну то есть, набирают просто, чтобы лишь бы было, не понимая, самим что надо. Собрались, сидим на чемоданах, непонятно, что делать. Парню вот – пара, которая приехала к нам, он программистом работал, ему сказали от работы, что их будут вывозить во Львов на следующий день. [Детский крик]

Int.1: Вы в аптеке накупили лекарств.

Inf.: Собрали вещи, стали ждать, думать, что делать. У друга – он работал в какой-то фирме программистом, и им сказали от работы, что их вывезут во Львов.

[20] Что их эвакуируют прям фирмой, и он стал ждать, мы оставили ему ключи от квартиры. У нас получается из вещей на пять человек семьи был собран большой чемодан, маленький чемодан, два рюкзака, и мы собрали сумку с одеялами на всякий случай, если непонятно, что, если придется выходить прямо на улицу, это была зима. И когда ребята сказали, что они будут оставаться и ждать вывоза во Львов, то мы оставили им эти одеяла и сказали, если надо будет – вот уже собраны, просто берете и идете. Какие-то продукты еще оставались дома, то тоже, ну мы сказали, что всё берете, всё, что надо.

Int.1: Животных у вас не было?

Inf.: Животных, слава Богу, у нас не было, то в этом плане нам не пришлось беспокоиться. Но квартира у нас съемная была. И пока мы ждали, были какие-то взрывы, было что-то похожее на сирену, это было очень тихо, очень далеко. Буквально включилось и выключилось, непонятно что.

[21] Мы всемером вот так стали под луткой какой-то двери, постояли полминутки, не поняли вообще, что нам дальше делать, вышли, потому что действительно еще ничего не понятно. Потом по перепискам общины мы поняли, что действительно, сирены, и не тренировочные, но почти не слышно, особенно когда евроокна и закрываешь полностью окно, не слышно было. То у нас одна такая неудавшаяся сирена получилась, и потом во второй половине дня позвонил друг с машиной, сказал, все, я готов, давай, семью вывозим. И вот это ж мы взяли вот эти вещи и коляску, запихнулись кое-как, все нормально, он говорил: а еще вчера забыл заправиться, а сегодня уже можно было только по 20, по-моему, литров на машину, огромные очереди на заправках, он говорил – ездил, собирал. И ввели ж комендантский час, и, по-моему, то ли девять, то ли, вообще, в восемь вечера, ну что-то очень рано.

[22] И он нас повез, он боялся, что он не успеет назад, мы говорили, что давай, с нами останешься там. Он говорил, что нет, я хочу вернуться в город обязательно, о'кей. И мы выехали, и там сначала говорили, кто поедет, скажите, мы оставим места, по факту потом стали говорить, что нет, никаких мест мы не оставляем, кто приезжает, тот приезжает, потому что людей едет много, все боятся, хотят выехать загород.

Int.1: А куда вы?

Inf.: Анатевка. Получается это... ну опять же, как детский городок или еврейский городок, как штетл, можно сказать, да, как еврейский городок. Это община Асмана построила, и продолжали строить. И там был детский сад, и там была еврейская школа, для мальчиков, еврейская школа, еврейская школа для девочек, там была гостиница и там было несколько домов, где жили еврейские семьи. И вот мы приехали чтобы занять какую-то комнату в гостинице с семьей.

[23] И они давали одну комнату на семью, если молодежь какая-то, то несколько в одну комнату. И вначале вот так хватало комнат, потом уже – мы там жили несколько дней, потом уже стали говорить, у кого лишние матрасы, давайте матрасы и уже селили, как только можно. И мы приехали и первое, что мы спросили: у вас есть бомбоубежище какое-то или что-то? Мне говорят, ну давай, идем, посмотрим. Это было уже около девяти, то есть уже – зима, вообще, глаз выколи, да? И мы пошли, значит, понятно, что ночью даже с фонариком ты не добежишь, то есть надо или там ночевать, или уже никуда не дергаться. Мы идем и на фоне такое какое-то зарево, я понимаю, что закат прошел давно, я говорю: а что это за зарево? Мне говорят, так это ж Гостомель горит, и я понимаю, что Гостомель не так уж далеко, и мы слышим отголоски. Ну, мы уже здесь, уже делать нечего.

[24] Мы идем в это бомбоубежище. Значит, оказывается, что это приподвальный гараж двухэтажного дома недостроенный, он с дверью, но, он с двумя дверьми, то есть, с одной стороны заезд и с другой, и соответственно стен, несущих там мало. Одну из дверей мешками с песком завалили до середины, и там было получается основное помещение и чуть в глубь второстепенное помещение и из этого же гаража можно было подняться в дом. В доме кто-то был, а вот в гараж так можно было нам зайти. Насколько я понял

потом таких гаражей было несколько на территории, и это служило бомбоубежищем. Опять же гараж недостроенный, стройка, пыль вот эта строительная, всё, нам было на это все плевать, это была еще корона, нам на корону уже было плевать, потому что, соизмеряя риски, да?

[25] Первую ночь, получается я была с двумя детьми в этом гараже, можно было в гараже оставаться только женщинам с детьми. Сначала женщины и дети, на вторую и на третью ночь уже только женщины с детьми, то есть, если у женщины нет детей, то она не могла даже спуститься в этот гараж, потому что просто не хватало места всем. И говорили, что тогда...

Int.1: Как вы получали информацию про Анатовку?

Inf.: Еврейский мир, соловьиная почта, как говорят. Ну, те, кто был анатовский, то сразу стали спрашивать просто напрямую, а те, кто были не анатовские, ну, то есть, дети не учились в Анатевке и были не синагоги Бродского, то просто спрашивали, да, через кого-то, распространяли информацию. В городе тоже, вот в других синагогах тоже, я знаю, что Карлинская, Карлин-Стонская синагога, это получается на Межигорской их здание было, они выехали еще загодя.

[26] Они выехали еще до 16-го числа, там, 13-го или что-то такое.

Int.1: 13-го февраля?

Inf.: Да. Выехали на западное... Я знаю, что...

Int.1: На западное – это что такое?

Inf.: На западную Украину.

Int.1: Прямо сразу уехали на Украину до начала?

Инф: Да, переждать. Я знаю, что некоторым шалиахам приходили сообщения из Израиля, что ждуться какие-то беспорядки, то или вы возвращаетесь назад, или вы остаетесь без поддержки. И многие семьи собирали вещи и уезжали. От Израиля ходили сообщения по поводу того, что что-то ожидается, и если будет, мы должны знать контакты, чтобы вывести своих подданных, ну, то есть, израильских граждан. И ходили вот такие списки, как это, гугл форма, чтоб заполнить. И так как мой муж жил здесь в Израиле в детстве, он не отказывался от израильского гражданства, то он стал тоже заполнять на нас, на всю нашу семью.

[27] Его брат тоже жил тогда с нами там Житоми... в Киеве, нет тогда уже не в Киеве, тогда он поехал в Житомир к родственникам, да, он был там, и тоже заполнял эти все анкеты. Но началось с того, что разбомбили аэропорт, и весь этот план он рухнул изначально, потому что они хотели присылать самолеты, чтобы забрать людей.

Int.1: А нерелигиозные были, вот, в Анатевке, когда вы там были или это только было...

Inf.: Да, на самом деле, в Хабаде даже внутри общины есть традиционные... не прям религиозные люди, а те, кто приходит, например, Йом-Кипур. Такие тоже есть, да. Или есть знакомые знакомых, или есть родственники. Вот, как у нас, например, родители светские, то у многих тоже так, у религиозных семей есть родители, братья, сестры светские тоже есть. Я знаю, что в Межигорской синагоге, которая выехала, то у них в подвале было именно вот как убежище, и там многие прятались первые дни.

[28] В Красной синагоге, это на Щекавицкой, тоже там свои были действия какие-то, по эвакуации общины или по безопасности там есть. То есть каждая община старалась что-то сделать, каждый раввин, да, старался что-то сделать для своей общины. Мы просто мы выбрали такой путь, что мы через Анатовку, потому что муж до последнего не хотел уезжать из города, то есть хотя бы загород, вот так он готов был. Когда мы с ним обсуждали, если что, какой будет план, куда мы сразу поедем, то он говорил, давай сначала в Анатовку, а потом решим. Вообще, мой муж выезжал в Анатовку на шаббат, то есть он не выезжал, как в войну. Я когда выезжала, я выезжала, как непонятно, мы вернемся или нет. И мы выходили из квартиры, то я понимала, что возможно в эту

квартиру я уже никогда не вернусь. И мы с девочками потом обсуждали, кто, как выходил, то самое такое, что резало по сердцу, это незастеленные детские кровати.

[29] А муж собрал шаббатную одежду, по-моему, даже забыл сидур, вот, я взяла сидур на семью. То есть, такое что-то, он очень переживал...

Int.1: Вот на память вы взяли, вот, какие-то вещи?

Inf.: Я разрешила детям взять игрушки, но немного. Мы с ними оговорили какой-то объем, что они могут взять, и у них были маленькие рюкзаки и сначала в этих рюкзаках – это были их игрушки какие-то, которые им важны. Причем я потом посмотрела, слушайте, это ну вот действительно, что дорого сердцу, потому что у одного – это из магнитного конструктора колеса и две детальки, у другого это какие-то ключи, которые уже никуда не подходят, но, вот он этими ключами играет, то есть какие-то не прям супер игрушки, а вот какие-то такие мелочи, там, не знаю, шишка буквально, ну вот что-то такое, что просто им тогда было интересно этим играть. Потом, когда мы в Анатевке были, уже слышали... Там получается, не было сирен, вообще.

[30] Там ничего этого не было слышно, там было слышно только взрывы, что это за взрывы было непонятно, то есть мы по факту узнавали, что это такое. Когда первые сутки, вот это я с двумя детьми была в гараже, а муж с одним ребенком был в корпусе. Связи из гаража нет никакой, то есть, что с ними там происходит, пока что-то тут взрывается, непонятно. Первый день ты еще не понимаешь, что это взрывается, это близко или далеко, это с неба или на земле? То есть, первый день ты, вообще, ничего не понимаешь. И на самом деле, слава Богу, никакой опасности для нас в первый день не было, но мы этого не знали. И вот просто было очень страшно, страшно было за детей. Мне, на самом деле, вот чего я хотела, всех вывести, потому что трое детей. Ну, один в одну руку, другой в другую, а третьего куда? И я очень боялась такой ситуации, и на второй день она таки была. В первый день я все пыталась мужу написать, что там, как там? И мне не приходили смс-ки. И просто на утро мы ждали, кто, кого увидит.

[31] И все ли будет в порядке и все, слава Богу, было в порядке. Оказалось, что били Гостомель и оказалось, что ехали танки на территории, вот это мы слышали какие-то вибрации, слышали технику, летели самолеты и вот на вторые сутки мы узнали, что поставили пункт недалеко от нас КП, потом на выезде из Анатевки поставили КП более серьезное с танками, и где-то не очень далеко, там какое-то количество километров нам прямо чувствуется, поставили ПВО, и поэтому вот мы все эти взрывы слышали, но, не понимали, что это. На второй день муж говорит, че ты будешь психовать, че ты будешь там в гараже, там очень холодно было, ребенок спал в шапке, второй спал, вообще, на мне, потому что там так было.

Int.1: Сколько лет детям?

Inf.: Старшему сейчас семь.

[32] Среднему – пять, младшему – два. Когда мы выезжали, это было полтора года назад, то получается, это было неполных шесть, четыре и год с копейками, он ноябрьский, то есть, то есть он у меня еще в эрго-рюкзаке. Можно сказать, и повезло, и не повезло, я только переболела короной, и как раз из-за этого отучила его от груди, то есть можно было уже кормить его всем подряд и не было вот такой зависимости. С одной стороны, повезло, где угодно можно чем-то ребенка покормить, с другой стороны, а когда у нас одно печенье? Ну... был на мне. Была, вот это может интересно будет, была со мной там в первую ночь женщина, у которой мама из России, и вот они были семьей тоже, муж, жена и девочка. Муж постоянно приходил, потому что девочка папина, папина доця, как говорят, и она без него не засыпала, не ела, не пила, вообще, ничего без папы, папа-папа, вот это он постоянно приходил.

[33] Остаться, вот, прям, ночевать не мог, потому что не разрешали. И мне рассказывает эта женщина, говорит, что позвонила ей мама и говорит: да вы не беспокойтесь, вас сейчас там всех спасут. И она говорит, что я после этого не могла с ней разговаривать, я положила трубку и позвонила брату и говорю, разговаривай с ней сам,

потому что это не наша мама. Потому что они вот здесь, они все это видели, они все это слышали, они боятся за своего ребенка. И тут ее же мама говорит такие вещи. То на второй день мне муж говорит, там холодно, там пыльно, там плохо, слава Богу, это просто ПВО, давай ты останешься в корпусе, давай никуда не пойдем. Хорошо, давай не пойдем, это шаббат. Было распоряжение от раввина, я так поняла, Санхедрина здесь из Израиля по Украине пустили, что можно пользоваться любыми электроприборами для спасения жизни и, в принципе, можно, если вы опасаетесь, если вы там не знаете, что вам делать,

[34] то можно пользоваться телефоном. Мы отключили и спрятали, но так, чтоб можно было взять, то есть опять в этот стрёмный чемоданчик, как я говорю, рюкзак, который мы берем первым делом. И трапеза прошла хорошо, потом мужчины остались на фарбрэнген, остались обсуждать, что делать дальше, выезжать, не выезжать, что, вообще, делать. Женщины пошли укладывать детей, пошли спать. И начались взрывы, и непонятно, опять же, что? По взрывам слышно, что вроде как это не ПВО, потому что ПВО уже мы начали чуть-чуть отличать, что ПВО – это как бы отсюда, а это вроде как сюда, в общем... У меня спят дети, и вот эта ситуация, когда у меня две руки, а трое детей, я поднимаю старшего, он падает обратно спать, я поднимаю среднего, а он ревет и ложится обратно. То слава Богу, были девочки, молодежь тут же на этаже, и они стали стучать по двери.

[35] А нас предупредили, что не включайте свет, ну, плюс шаббат, как бы, свет – это не для спасения жизни, мы не стали включать. А до этого нас просили, делайте темную зону, чтобы не били по загородной территории, выключайте свет. И в этой темноте мы пытаемся друг друга найти, я слышу, что молодежь там в коридоре стучит по дверям, что давайте какие-то взрывы, выходите. Мы на третьем этаже, а безопасная зона в корпусе считалась второй этаж – коридор. Я девочек поймала, говорю, помогите мне выйти с детьми, и они мне взяли детей, помогли перейти. Малые хотят спать, они кричат, они плачут, они шумят, они будят тех людей, которые на втором этаже. И у нас там внутри были беспорядки, были ссоры, был балаган, потому что люди открывали дверь и начинали кричать, что я сумасшедшая мама, потому что мои дети ночью не спят, и будят их детей.

[36] А я в ответ, что как бы, это вы сумасшедшая мама, потому что всем говорят, выходите в коридор, у вас ребенок спит возле окна, уберите его от окна, выходите в коридор, такое. То с одной стороны, мы, детям... мы увидели, когда мы сказали вообще детям еще дома слово «война», то они очень перепугались. Старший, он понимает слова, он не понимает весь смысл, но, он испугался. То мы стали говорить, там, что это учения, что это там еще что-то. То просто, вот мы сейчас должны здесь посидеть, здесь безопасно, здесь все хорошо, то мы пытались как-то успокоить, но они хотят спать, и они слышат, что говорят другие люди, а другие люди паникуют, другие люди обсуждают, чтобы мы не говорили своим детям, они видят ситуацию все равно. И тогда уже стали включать телефоны, смотреть, потому что сирен нет, и была переписка в Анатевке специально для этих вещей, что если опасно, там предупреждали.

[37] Безопасно, все расходиться, там опять же предупреждали. И там было написано, что непонятно что – идите в коридор, и вот это ж мы стучим: идите в коридор, они нам говорят, идите отсюда. Вот, то пришли наши мужья уже, конечно, они стали думать, что делать, и когда был какой-то вот такой перерывчик, сказали отбой, то мы пошли все-таки ночевать в гараж с детьми, и решили, что мы уже будем там, чтоб хотя бы детей туда-сюда не трогать, пусть они спят, пусть это гараж и стройка, и все что угодно, то пусть они спят спокойно, а мы будем свое переживать и хотя бы... Гараж, это... я лежала и себя убеждала, это самое безопасное место в том месте, где мы находимся, уже как бы безопаснее некуда, что будет, то будет уже. И потом мы научились уже по ощущениям понимать, что вибрация отсюда, значит, едет танк по дороге, вибрации нет, но есть звук, значит, летит самолет.

[38] Взрыв такой-то, то значит, там, трясутся стены, значит, ближе, падает штукатурка, значит, совсем близко, такое. Было какое-то место, где иногда ловила связь, то мы вот это вот... или подкидывали телефон, или стояли там на вытяжку и отправляли смс-ки, потому что в какой-то день тут же в гараже была дочка одного из... дочка раввина, в общем, нашей общины, я писала ребецн Д., что все хорошо, дочка в порядке, дети все здесь, все спят, все хорошо. Переписывались, потому что у нее там на месте связи нет, а у меня здесь есть. Потом нас было много, у нас были семьи, с которыми мы вместе прошли всю эвакуацию, получается, у нас дети вот так лежали штабелями. И в какой-то день мальчик заболел и очень сильно кашлял, и сопли и все это – холодно. Там нету... ну, там ставили обогреватели, но сколько нужно обогревателей на полу открытый гараж?

[39] То было очень холодно, я ж говорю, дети спали в шапках, мы укрывали их двумя одеялами, иногда они спали в куртках. И ну, заболел, это понятно было, особенно кто возле стены, мы старались там или рюкзак положить, или что, хоть чтобы какая-то прослойка была, потому что возле стены это все, это сразу, а мы очень боялись, там менингит или что-то такое, не дай Бог, для детей. И мама его стала переживать, потому что время короны. Она говорит, все, я его заберу в корпус, опять же мы спорили, что делать, что это ребенок, ну как бы – ты ничего там не сделаешь, пусть будет тут, тут безопасней. То она его все равно забирала. И был случай тоже такой из страшных и неприятных, на шаббат приехало очень много людей, потому что в шаббат ты никуда не выйдешь, и очень много людей было на шаббат в Анатевке, тем более, получается, на вторые сутки в Киеве на Оболони были танки, были перестрелки.

[40] У нас есть знакомые, вот она выглядывает из окна, и она видит, как танк едет по машине. И у нас была семья, которых семеро, и они искали машину, как выехать загород, потому что никто не хотел брать, ну, их семь человек. Мы говорим, платите любые деньги за такси, но выезжайте с Оболони, выезжайте сюда к нам, потому что у них прямо, ну, пулеметные очереди, ну автоматные, я не знаю, не разбираюсь, автоматные, наверное. И мы прям в Анатевке там ловили машины, которые приезжают, и спрашивали, кто может поехать и их забрать. И они двумя машинами в результате в шаббат, в середине шаббата они приехали. То была ситуация, когда женщина больная, она не могла лежать, она должна была только сидеть, все места в гараже уже были заняты, то есть у нас вот так штабелями дети.

[41] Мы вот так друг на друге, матрасы сдвинуты прям вплотную, и это как дальняя комнатка, а в ближней комнате тоже не хватало матрасов людям и были такие, которые просто сидели уже. И там была комната как – то ли техническая, то ли будущая сауна, непонятно, потому что такие, как деревянные ступени, и вот эта женщина она сидела на этих ступенях, потому что лежать ей нельзя, только сидеть. И с ней дочка, и они вот это, сидят и что-то обсуждают. И один парень пришел, который... там были парни, как охранники, не охранники, им выдали автоматы тоже, чтобы они защищали, на самом деле, это наши парни, которые из наших синагог, и мы знаем, что им там по 23, 25, кому сколько там. И был парень, который пришел и стал беспокоиться: а вам воды, а вам стул, чтобы было удобнее. Он принес ей стул с подушкой, чтобы она села, а потом что-то было, я не помню, с чего началось уже.

[42] Ну, сцепились с другим охранником, как-то сцепились разговором, и он стал грубить. Он говорит, что если ты будешь так со мной разговаривать, ты сейчас вообще выйдешь из этого убежища. Кто-то вступился, он говорит, так ты тоже сейчас выйдешь, и мы уже не знали, что делать. Потому что с одной стороны, женщина ни в чем не виновата, а с другой стороны, ты сейчас вступишься и тебе придется своих же детей вывести отсюда. И было очень некрасиво, и вот дочка этой женщины больной просто потом забрала маму и увела. И ну, честно, для меня это было страшно, когда это считается самое безопасное место и просто из-за какого-то словестного конфликта люди выходят.

Int.1: И сколько вы там пробыли?

Inf.: Я считаю, четыре дня войны, четыре дня эвакуации, то есть четыре дня мы были в Анатевке. И в субботу были разговоры по поводу того, чтобы выезжать.

[43] И были варианты, как выехать, и сначала Асман хотел дать автобусы и сделать зеленый коридор. Потом он кому-то позвонил, опять же в шаббат, когда можно было звонить, потому что решались судьбы людей, он кому-то позвонил, и ему сказали, что небезопасно, что стоят диверсанты, которые, как это сказать, диверсите..

Int.2: Диверсанты?

Inf.: Ну, в общем, группы диверсантов стоят на дороге и расстреливают машины, и он сказал, что тогда я автобусы не дам, и бензин не дам, потому что мне нужно вывозить людей безопасно. Но, если кто-то хочет, вы можете ехать. И было несколько машин, которые уехали, и он сказал, что если кто-то хочет подсесть в машину, можете подсесть и вас тогда довезут. Куда ехали опять же непонятно, кто как решит, кто куда сможет. И мы с семьей обсуждали, но это надо было тогда разделяться на разные машины, и мы не захотели.

[44] И плюс мы не захотели выезжать непонятно куда сами, мы хотели, все-таки, если выезжать, то уже группой выезжать. У нас был знакомый другой на машине тоже, и он сказал, я буду выезжать в субботу на Западную Украину, и нам сказал это еще перед шаббатом, и муж сказал, что, нет, мы в шаббат не поедem. Если не будет вот такой массовой... массового выезда, мы не поедem. И мы ждали дальше, и в ночь с субботы на воскресенье подорвали нефтебазу не очень далеко от Анатевки и тогда раввин сказал, что все, первый зеленый коридор делаем. И в воскресенье он собрал автобусы, приехали сопровождающие машины от государства, от правительства.

Int.1: От кого?

Inf.: Ну, от государства, от правительства, от Киева. И нас сначала... сделали списки и посадили по автобусам, и мой муж был главный по нашему автобусу, то есть, у него были списки людей, которые будут в этом автобусе.

[45] И нас посадили, сказали, запомните места, а теперь выходите. Опять же сказали, какая-то группа диверсантов недалеко от Анатевки, и их разбили, и они рассредоточились и непонятно куда. И нам сейчас надо спрятаться в корпус, потому что, если нас увидят диверсанты, то они придут сюда, чтобы сделать тут какие-то беспорядки, а если с воздуха нас увидят наши, то они могут подумать, что мы диверсанты. То мы сидели в корпусе и ждали, чтоб нам дали зеленый коридор. И дождались до обеда, и стали кормить детей, встали в очередь за едой на обед. Обед там тоже, конечно, там... ну, огромное спасибо, вообще общине Асмана, потому что он всех кормил, всем предоставлял помощь, всем предоставлял ночлег и все, и, если надо было, мы там менялись вещами.

[46] И было много волонтеров, которые приезжали и просто становились, кто шел на кухню, кто мыл посуду, кто стоял на выдаче еды, то есть все это люди, которые приезжали. Вот, мы стоим брать еду и нам говорят, всё, садимся по автобусам. И хорошо, но дети голодные. И слава Богу, опять же у кого-то были какие-то запасы и плюс в автобус поставили еду сух. паек. Ну, поставили и сказали моему мужу, никому не выдаешь, пока мы не скажем. Потому что куда едем, непонятно, сколько будем ехать, непонятно. С одной стороны, нам сказали, что мы поедem в Заречаны, Заречаны, это под Житомиром, это территория там, где был детский городок "Алюмим". А так как мы с мужем из "Алюмим", а так как мы из Житомира, то мы знаем, что их оттуда вывезли. И я мужу говорю, слушай там небезопасно, раз их оттуда вывезли, это территория, куда сейчас тоже наступают, а с другой стороны, мы не знаем, куда нас повезут – туда или нет.

[47] И здесь уже тоже небезопасно, потому что уже вот мы стоим утром, и вот нефтебаза горит, и черный след от самолета, и здесь тоже какой-то черный дым, потому что где-то что-то взорвалось, это не здесь, это не у нас, но это уже близко. И это было просто страшно. Я ж говорю, слава Богу, нас непосредственно война не коснулась, но страшно было очень. И мы сели в эти автобусы, и мужа нет. Как бы все грузятся, я думаю, наверное, он помогает грузиться. Сидит семья перед нами, и в последний момент, когда

водитель заглядывает, и говорит, что всё, все сели, всё, я закрываю, и я поехал. Он захлопывает дверь, встает мужчина из семьи, поворачивается к семье и говорит: «Я не могу, выбажьте меня, я сподиваю, що мы скоро стримемя»[?], и выходит.

[48] И жена его в слезы, девочка кричит ему, я тебя ненавижу, и все это, и весь автобус сидит и трясется просто от этой ситуации. И мы начинаем ехать, моего мужа нет, а мы сидим на последних сидениях, и я кричу водителю, что подожди, стой, П. не сел, подожди еще, подожди две минуты, я пытаюсь набрать, и вот это первый раз в жизни я попала в ситуацию, я не знала, что такое паника, пока вот это не было. Потому что я никогда не думала, что я не смогу попасть в кнопки телефона, я пыталась кого-то набрать или написать в общую группу, и у меня просто не получалось. А дети начинают кричать – А где папа? И в результате, слава Богу, у меня получилось кому-то позвонить, и, говорю, увидишь П., толкай его ногами в автобус, мы уже выезжаем, и мы выезжаем. И слава Богу, мы просто подъехали к выезду из территории, и муж успел добежать, и добежал, и сел, потому что уже никого не могли ждать.

[49] Потому что дали зеленый коридор, значит, надо ехать. Муж пришел и говорит – ну, я же знал, что наш автобус не может поехать первым, ведь в зеленом коридоре не может автобус быть первым. И когда мы поехали, наш автобус был первый в зеленом коридоре, в общем, это было страшно, но на самом деле, просто у мужа расклеилась обувь буквально перед выездом, единственные ботинки, он взял на шаббат, он ничего не взял с собой. Мы искали или суперклей, или ботинки, и кто-то дал свои ботинки, но они 42-го, а у мужа 39-й. И в последний момент ему сказали, что вот мы открываем местный магазинчик, там есть суперклей, иди, мы тебе откроем, ты возьмешь. И пока он туда сходил, и пока он вернулся, то как раз мы выехали. Ну, слава Богу, он сел, все хорошо, мы только перетрухнули, но все хорошо. И поехали мы зеленым коридором, и стали давать ориентировку, что диверсанты на какой-то белой машине, и поэтому на каждом КП останавливали всю нашу колонну. Мало того, что нас просто проверяли,

[50] но каждую белую машину останавливали из нашей автоколонны. У нас было два автобуса и какое-то количество машин еще. И, опять же, были вот списки, и были списки машин, и у водителей были списки номеров машин и говорили, если какая-то машина вклинится в ряд, обязательно сообщайте. Были КП, которые как бы просто стоит несколько человек – и всё. [...] Были КП, которые – стояли танки, и мы видели людей, ну как бы тоже все. Когда мы выезжали с моста, из-за того, что стояла полицейская патрульная машина перед нами, которая нас сопровождала, а потом наш автобус, и мы сидели как бы на последних сидениях, то мне было видно, что происходит в начале моста. То есть пока была проверка документов в начале,

[51] прибежал солдат, спустился, знаете, вот это как там, где край моста заканчивается, начинается земля, вот он спустился туда и стал сначала что-то откручивать, а потом просто взял и перерезал провода, я тогда поняла, что эта вот.. эта штучка стоит для подрыва моста, и он перерезал, чтобы автоколонна могла проехать, и нам потом рассказали, что да, действительно, когда мы проехали, то опять было заминировано, чтобы если, не дай Бог, надо будет подорвать мост. А были КП, которые как – или волонтерские отряды, или что. Вот это было беспокойно, потому что, когда приезжаешь к таким, люди в гражданском, и ты не понимаешь с какой стороны. Ну, опять же, всё, слава Богу, у нас было безопасно, но мы ехали и старались запомнить всё, что было, потому что и люди в кустах, и люди на холмах, и ты едешь под всеми этими прицелами.

[52] И первое время ты еще не отличаешь, где свои, где чужие, ты просто едешь, и проехал, ага, все в порядке, мы проехали своих.

Int.1: Была какая-то символика на автобусе, нет?

Inf.: На нашем – нет, ни какой символики, ничего, я ж говорю, это был первый зеленый коридор, еще ничего такого не было. И я ж говорю, страх от неизвестности, потому что ты не понимаешь, где, что, ты понимаешь, что могут быть чужие здесь,

потому что, опять же, диверсанты уже здесь были, и раз были уже перестрелки на Оболони в центре Киева, то ты не понимаешь, чего ждать. Мысли были всякие, конечно. Но я же говорю, слава Богу, мы проехали безопасно. Машины, которые ехали накануне в субботу, то несколько машин проехали безопасно, а одну обстреляли. Нам раввин сказал потом, он говорит: «Я вот сейчас полчаса разговаривал с этой женщиной, просто пытался ее успокоить». Она получила очередь по машине, все живы, здоровы, отделалась легким испугом, как говорится.

[53] Но, мы были рады, что мы проехали автобусом. Ехали несколько дней, и в результате мы приехали к границе Молдовы. И люди, которые ехали в Заречаны, в Житомир, они остались там на Западной, потому что они не готовы были переходить границу, они хотели остаться.

Int.1: А где? В Могилеве-Подольском?

Inf.: По-моему, да, но я не уверена.

Int.1: Такой мост через Днестр, да?

Inf.: Да, мост. Нам сказали, что это и граница для машин, и граница и для пешего перехода, потому что я знаю, что есть какая-то только для пешего, то это была смешанная. И у нас была семья, которая там шестеро детей и глухонемые родители, то родители были в нашем автобусе.

[54] А дети были в машине, она погрузила всех детей в свою машину, там и в багажнике они сидели, и по-всякому сидели, чтоб она их вывезла. Но машину она, я не помню, то ли не могла, то ли не хотела вывозить, и она оставила машину, и вот они переходили пешком и тогда уже родители переходили вместе с ними. И вот они потом рассказывали, что они, когда переходили границу, а мы в это время стояли на границе в автобусе, то была сирена и нам сказали, погасите свет в автобусе, и улыбающаяся женщина говорила: да все в порядке, просто погасите свет в автобусе, вы никуда не выходите, все безопасно, это просто на всякий случай. Она выходит, и мы видим, отряд военных, который бежит, непонятно, куда бежит, и мы видим, как они все прячутся тоже куда-то, в убежище видимо, а мы сидим в автобусе, и нам просто некуда пойти. И дети хотят... «мы хотим в туалет». Мы говорим, сидите, ждите, пока в туалет нельзя, можем дать бутылку. Вот, и...

[55] Опять же, слава Богу, все безопасно, все мило. Но просто как бы вот эти легкие испуги на разных этапах. А вот эта женщина, которая вывозила семью, потом рассказывала, что они были на мосту в этот момент, и ей мама объясняет, что страшно, а та ей говорит: «Бойся и беги, плачь и беги». И вот это они перебежали этот мост, потому что страшно было идти. Мы приехали на молдовскую границу, и там очень радушно встретили люди, прямо именно встречали, не просто как бы ждали, а именно встречали, они выводили нас из автобуса, они делали горячий чай, они раздавали какую-то еду, они нам раздавали местные телефонные карточки, и не просто вот раздавали, они говорили, давайте телефон, мы вам подключим, это не просто. И пока мы сидели и ждали, и пока мы кормили детей, то они нам вставляли карточки. Я помню разговор между волонтерами: «Да ей в первую очередь – интернет подключи.

[56] Им самое важное интернет, чтобы они с близкими связались». И вот они стояли и подключали те карты, там было какое-то количество денег на счету, и эти карты они раздавали бесплатно вот всем, кто въезжал. И потом мы поехали дальше, когда подождали всех, наши вещи остались на границе, потому что автобус был с маленьким багажником, как бы много посадочных мест, но это не межгородской был автобус, это был автобус, на котором возили детей в Анатевку учиться. И у нас, получается, когда мы приехали в Молдову, был один маленький чемодан на всех, но мы в Анатевке пересложили. В детских рюкзаках – мы посмотрели какое-то видео, как складывала чья-то мама – и я сделала своим так же. Свидетельство о рождении ребенка, на котором написаны контакты мамы, контакты папы, контакты какого-то человека из Украины и контакты кого-то за границей. Я дала израильский контакт брата.

[57] Был... была одна сменка одежды у них, это у старших, младший был на мне, было что-то перекусить – то ли печенье, то ли яблоко, воды не было и уже и не влазило, и не было бутылок у меня для них, то вода была отдельно. Была одна какая-то игрушка и было несколько листочков и фломастер, чтоб они могли порисовать. И еще в Анатевке я боялась, чтоб они отходили далеко, я говорила, вы отходите так, чтобы вы меня видели, и, если они бежали гулять, они бежали с этим рюкзаком. И получается, мы выезжали, у них были эти рюкзаки, младший на мне, коляски у нас не было, и был маленький чемодан на пять человек семьи. Нас поселили сначала – это была территория, я так понимаю, что это база детского лагеря, там, где проходили еврейские лагеря. Там было очень холодно.

[58] Рэб Шмуэль приехал туда раньше за день, я так п... ну за... это не может быть за день, видимо за полдня, потому что он машиной раньше нас проехал таможду просто. И пока все ждали, то он уже был там на месте. И он говорит, я понимаю, что здесь ужасные условия, мы уже заказали обогреватели, но обогревателей еще нет, горячей воды нет, согреться никак невозможно, потому что огромное помещение неотапливаемое. Говорит, у меня дети уже заболели, мы понимаем, что это условия невозможные, мы ищем другие варианты. То вообще, семья Асманов, ну я не знаю – огромная и благодарность, и мы периодически, когда дни рождения наших детей, мы им пишем, что спасибо, особенно младший. Я писала ребецн Хане, что спасибо, потому что я считаю, что мой ребенок жив и здоров, слава Богу, и мои старшие дети практически не тронуты психологически военной темой только благодаря деятельности этой семьи.

[59] И одну ночь мы все-таки ночевали там, где было очень холодно. И потом нас собрали и сказали, что есть разные опции выезжать из Молдовы. Есть вариант – это ехать... оставаться там в Молдове. Есть вариант – это ехать в Израиль, как туристы. Есть вариант оставаться в Молдове, проходить консульскую и ехать в Израиль уже как репатрианты. И есть вариант, у кого все хорошо с документами, то есть, у кого полный пакет документов на руках и у кого загранпаспорта действительные на руках на всех членов семьи, тот может поехать на Кипр, и какая-то программа оплачивает билет на Кипр и билет из Кипра в любую страну и компенсирует двухнедельное проживание там на Кипре, не полностью, но частично. И вот семьи принимали решение, кто куда поедет, мы хотели делать репатриацию в Израиль.

[60] То есть, мы хотели сделать, мы советовались с родными, которые здесь в Израиле, как лучше приехать и сделать здесь, или делать там и ехать сюда. На Кипр не захотели. Во-первых, у нас маленький чемодан вещей на пять человек семьи, зимняя одежда, во-вторых, мы очень перенервничали, все-таки уже хотелось где-то сесть и решить, что дальше мы будем делать со своей жизнью. И мы решили, что мы будем делать репатриацию. Нас перевезли на другую базу, уже на туристическую какую-то базу, там, где домики, там уже было лучше с отоплением, там уже была горячая вода, и там уже можно было нормально привести себя в порядок и передохнуть, вот, подождать. И мы подали списки, и получается, что ребята, которые на Израиль туристами, они уехали чуть ли не в тот же день, на Кипр уехали утром и утром нам говорят, до одиннадцати освободите домики.

[61] А, мы говорим, а как же репатриация, а что – куда мы сейчас едем? – Просто освободите домики. В общем, по факту просто уже ехал следующий зеленый коридор, и надо было где-то их селить, и не было возможности, чтобы много людей оставалось там на месте. И получается наша группа, которая хотела репатриацию, то мы не смогли ждать, нас вывезли сюда, и мы все равно, как туристы приехали и делали уже здесь. И из-за того, что мы, как бы не знали подробности, ни куда нас не везут, ни что, то мы тоже не смогли остаться, потому что у меня у родственников есть в Молдове знакомый, если бы мы знали, мы бы могли как-то переметнуться, скажем. Но как-то это все было спонтанно и быстро, и не было ясности там на местах, то как было, так и вышло.

Int.1: Когда вы приехали какого числа?

Inf.: Сюда мы прилетели 3-го марта, полгода нам не давали для детей теудат зеут. Я получила гражданство 23-го марта, муж сразу получил как бы документы, потому что у него...

[62] Он израильский подданный, он как бы израильский гражданин считался, единственное, что он долго разбирался со своим статусом, он катин хозер, он тошав хозер, то есть, кто он здесь. И все-таки ему установили, что он катин хозер, поэтому нам дали таудат оле на пару сначала, и, слава Богу, хотя бы вот в Мисрад клита пошли на встречу, и нам оформили документы на пару, и стали выплачивать корзину на пару, пока нам оформляли детей. С детьми вышла, как говорят, *беая* или *ситур*, вышла история, из-за того, что мой муж гражданин Израиля, и мы не зарегистрировали брак в посольстве Израиля в Украине и не зарегистрировали там детей, то нам было нужно проходить полную проверку. Из-за того, что мы приехали 3-го марта, а война началась 24-го, прошло мало времени. Здесь не успели принять какие-то меры, принять положение по этому поводу.

[63] То, мы еще проходили официально по полному пакету документов, неофициально понятно было, что нет документов. С нами в автобусе ехал парень, у которого не было ничего, у него, вообще, абсолютно не было вещей, как он был, у него не было даже паспорта, а он гражданин Израиля. Я не знаю, как он попал туда, видно его где-то поймали, ну, в плане, привели друзья или что. Я не знаю, я только знаю, что он не говорил по-русски, что он был гражданин Израиля, он ехал, вообще, без ничего. Но как бы, так как он гражданин Израиля, то подняли документы и вообще нет проблем. Ехал с нами мужчина, у которого не было документа, было только копия свидетельства о рождении, а мужчина глубокий пенсионер, ни паспорта, ни загранпаспорта, никаких других документов, на границе Молдовы его остановили и выдали ему справку как бы временную.

[64] Подтверждающую его вот эту копию свидетельства о рождении, что это действительно он, а на Румынии его остановили и не разрешили въезжать, потому что это уже страна ЕС, и там уже более жесткие правила, скажем так, и ему не разрешили выехать. Потому что он хотел ехать в Израиль тоже, и он был с нами, наверное, да, он был с нами в автобусе. И был его друг и они дружили уже очень много лет, и друг хотел ехать из Молдовы в Германию, а этот мужчина хотел в Израиль. И тот друг, который в Германию хотел, говорит, я не хочу с тобой расставаться, то давай мы вместе поедem в Израиль, а на Румынии их остановили и не дали, получается, выехать из-за документов. То они говорят, ну ладно, тогда уже будем оформлять документы, а потом уже вместе поедem в Германию все-таки. Вот.

[65] Int.1: Вы общаетесь вот с этими людьми из автобуса сейчас?

Inf.: Есть несколько семей, с которыми мы поддерживаем отношения.

Int.1: Вы их знали раньше?

Inf.: Мы были знакомы там, да. С теми, с кем мы были в автобусе и познакомились только в репатриации, только в эвакуации, то, наверное, нет, но мы поддерживаем отношение с теми, с кем здесь мы встречаемся на каких-то мероприятиях.

Int.1: Вы продолжаете общение?

Inf.: Украинские семьи. Слава Богу, большое спасибо раввинам, которые делают мероприятия, потому что, когда ты приезжаешь сюда, и ты к этому морально не готов, то ты очень теряешься, и тебе не хватает общения, тебе не хватает всего, здесь нет общины, здесь нет понятия община. Здесь есть синагоги, ты можешь прийти, но здесь нет того, что есть там. И вот этого общения очень не хватает, вот этой поддержки очень не хватает. И особенно первый год мы приехали, это было перед праздником Пурим, Пурим праздновать, вообще, не хотелось, и раввины сделали праздники для своих общин.

[66] И весь Пурим они говорили нам, что надо радоваться, что это наша обязанность радоваться, и это только нас спасет и всё такое. Что мы уже не там, что мы уже здесь. А в Песах все говорили, что мы вышли из своего галута, и они нас вот так

собирали, в Песах мы очень просили, чтобы они сделали, потому что вроде как мы уже в Израиле, вроде как мы уже какое-то время здесь, а с другой стороны мы не обжились, посуда даже повседневная, откуда у нас возьмется посуда пасхальная. Мы все были, кто в гостинице, кто у родственников, кто где, еще никто не был в своей семье.

Соб1: А вы куда приехали вот в Израиле?

Inf.: Мы были у брата. Мы приехали, мы не хотели в гостиницу, и был какой-то балаган, вот честно, когда мы приехали, был сплошной балаган. Мы сошли с самолета, и стояли люди с табличками, кто приехал по украинским загранпаспортам, вам сюда. Мы пришли, и мы знали, что уже есть информация, что можно получить теудат зеут,

[67] можно получить гражданство прямо в аэропорту, что можно пройти эту процедуру прямо там. И мы стали говорить, вот у меня муж – гражданин Израиля, и да, мы хотим пройти репатриацию, и да, мы хотим здесь получить документы. И, вот когда нас отвели отдельно, то сказали, что сейчас будет встреча с консулом. Мы сидели и ждали, консул вызывал по фамилиям, по спискам, видно эти списки с самолета, я не знаю. Но, он вызывал по спискам и нашей фамилии там не было, и мы подходили к нему и раз и два, и три, и он сказал, давайте я с вами пообщаюсь и пообщался с нами и что он сделал, это дал нам полосочки такие, которые позволяют нам войти в Израиль, а не возвращаться обратно, то есть нас не выгнали из Израиля и это все, что сделала эта встреча. То есть никакого... никаких документов, ни корзины, вообще, ничего мы не получили с аэропорта, мы зашли потерявшиеся.

[68] Ну, слава Богу, мы как бы изначально решили, что мы едем к моему брату, и у меня есть здесь родственница с машиной, которая приехала специально, она живет недалеко от Иерусалима, она приехала специально в аэропорт ночью, нас забрать. Говорит, вы же говорили, что вы без вещей, я вам взяла и то, и то, и то, она знает, что мы на кашруте, она тоже соблюдает кашрут, она привезла нам часть своей посуды, она привезла нам манеж для ребенка. Она говорит, вы же говорили, что вы без вещей, а у нас получилось, что в Молдове, когда мы пересаживались, вот когда нас – едите, едите, мы пересаживались в другой автобус, потому что тот автобус, на котором мы ехали из Украины в Молдову, он был поломан. И водитель, который нас вез, он практически на своих плечах вынес этот автобус, потому что, он потом рассказывал, автобус постоянно кренило, и он силой выворачивал его, куда нужно. И он был больше 12-ти часов за рулем подряд без остановок.

[69] И этот... так он сменил автобус, и как раз из-за того, чтобы была вот эта заминка, куда пересядем, приехала машина с вещами, которая оставалась на таможне. Получается, водитель, который был изначально, он был невыездной, его не пропустили, и ждали, когда появится такой водитель, который сможет проехать. Приехали наши вещи, мы просто уже не распаковывая даже, мы просто переложили вот так сумку из одного автобуса в другой, коляску из одного автобуса в другой, и, слава Богу, влезло, и ехали мы на том автобусе, на котором мое дети ездили в Анатевку. Это был их автобус развозки, маршруточка с детскими сидениями на 15 мест, и нас было 15 человек взрослые, дети как угодно, вот так мы ехали, ноги на колясках, на чемоданах, и у нас... к тому времени у нас закончилась еда. И когда мы переехали границу Молдова – Румыния, мы уже опаздывали на самолет. И в Румынии тоже очень встречали люди и заглянул парень, прямо заглянул к нам в автобус, мы говорим, пусти нас, пожалуйста, дай нам проехать.

[70] Он говорит – у вас дети... и он нам прямо закинул просто пакет с яблоками в машину, и вот этими яблоками мы кормили детей до аэропорта. И получилось так, что нас 15 человек на самолет опаздывало, и еще один автобус откуда-то из другого места тоже ехал на этот самолет. И это был как заказанный самолет для репатрианто... для вот беженцев из Украины, то благодаря этому, что опоздали не только мы, то мы успели на этот самолет. Мы въехали – это ж непонятно было куда, и мы поехали к брату.

Соб1: А, брат в Хайфе?

Inf.: Брат в Хайфе, и мы несколько месяцев жили у брата в Хайфе. Из-за того, что мы оказались не в гостинице, не с кем-то, не где-то, то мы всю эту процедуру репатриации проходили сами. И вот это ж с нас стали требовать все документы, всех документов вроде как есть, а вроде, как и не хватает, потому что часть моих документов, там мое свидетельство о рождении, мое свидетельство о перемене фамилии.

[71] Мамины документы, бабушкины и так далее, они были у мамы. И в момент, когда мы прилетели, она была в дороге.

Int.1: Она отдельно ехала?

Inf.: Она ехала отдельно, она из Днепра. Она очень боялась ехать сама, а я очень боялась ее оставлять там. И они – брат и мама – говорили, все будет в порядке, Днепр самое безопасное место [посмеивается], и все будет хорошо, и нет проблемы сейчас выехать, ну, а я паникующая. И я говорила, что смотри, Л., брату своему, что смотри, ты мне тоже говорил, что в Киеве безопасно, и все будет хорошо, и пока до Киева доберутся. В первые сутки там были танки на Оболоне. Говорю, пока есть возможность выехать, потом, может, ее и не быть, то давай искать. И опять же хашгаха пратит, потому что что может решить один разговор, когда мы были вот в Молодове последнюю ночь, то наша подруга, которая была с нами всю эвакуацию в....

[72] Ну, вот, наши дети лежали штабелями рядом, так скажем. Она ждала одного из сыновей, он учился в Днепре в ешиве и, получается, из Киева она ехала без него, и она пыталась как-то его переправить из Днепра к себе хоть куда-нибудь. В Киев не получилось, то в Молдову. И нашелся человек, который взял ответственность и без всех вот этих доверенностей и нотариальных документов, без всего этого, он взялся перевезти ребенка. И он вез его на поезде в Одессу, и из Одессы еще как-то. И тогда это, я помню, что некоторые родители отказывались от такого пути, потому что тогда это было опасно, потому что по поездом Одессы тоже бомбили тогда. И в Одессе вот как раз именно в это время, в Одессе тоже были беспорядки.

[73] И опять же, слава Богу, все в порядке, в Одессе он встретил его, а, в Одессу мальчик приехал, его посадили, он сам... там ехал сам, в Одессе встретил его этот мужчина и на скорой помощи, которая для лежачих больных, для срочных больных, он вывез его в Молдову. А в Молдове уже мальчик должен был до базы, где мы, добратся сам. И тоже это была целая история, потому что посадили его в такси, такси едет, а не может найти, где мы находимся, и наверное, полтора часа мы просто ждали, чтобы найти ребенка. И я была с этой женщиной в этот вечер, чтобы как-то ее поддержать, и мы встретили машину, и все в порядке, а такси стоило очень дорого, и у нее не было таких денег, тем более у нее не было местных денег и, получается, что, как раз вот этот водитель, который нас вывозил, он был как... ответственный за такие транспортные дела, и он дал денег, чтобы оплатить это такси.

[74] А мой муж это такси заказывал, то мы знали сумму, и я подошла, и взяла эти деньги, и вот это, что мы встретили, а потом она с сыном говорит, я пойду верну сдачу, все-таки была сдача. Я говорю: да что ты, иди вот с сыном общайся, всё, ты столько его ждала, я сдачу верну. И получается, когда я возвращала сдачу, там сидели девочки волонтеры, тогда только начинали делать колцентр для людей, которые хотят эвакуироваться из Украины, опять же семья Асманов сделала этот колцентр. И получается, что вот эти эвакуационные девочки они и были волонтерами, и мы стали с ними обсуждать, что вот, у меня мама там в Днепре, я ищу как ее вывести и говорю: девочки, если будет какой-то автобус или что-то, скажите, потому что пока это все какие-то частные машины и у них забиты места, и никто не хочет брать или надо ехать поездом самостоятельно. Мама... у нее... в общем, она теряется на местности, я не помню, как это называется.

[75] Она выходит из магазина, и она не помнит, с какой стороны она зашла. То она боялась ехать сама. И благодаря вот этому вечернему разговору, ашгаха пратит, просто я задержалась, просто с подругой, да? И все. То мы, когда ехали в Румынию, нам оставалось

там буквально час до румынской границы, и мне звонит одна из этих девочек и говорит, прямо сейчас забирает автобус в Днестре, и больше такого автобуса, может не быть, и там есть еще несколько мест, и звоним маме, потому что через час автобус отправляется. И я звоню брату, говорю, у меня молдавская карточка телефонная у меня сейчас может лечь связь просто, занимайся мамой, вот контакты, вот сейчас будут выезжать. И получается, дальше брат занимался, он звонил маме, говорил, сорок минут у тебя есть, давай и тоже ашгаха пратит, потому что у мамы был тогда парень, который арендовал, у нее, получается, две квартиры рядом встык. У нас, когда была большая семья,

[76] то родители выкупили однакомнатку, и мама сдавала ее эту однакомнатку, и покрывала этим, получается, коммуналку своей квартиры. И как раз вот ее арендосъемщик он был у нее, и он что-то ей там помогал, и когда брат позвонил, мама растерялась, и этот квартиросъемщик просто все ее – там телефон, зарядное, все, что у нее было ей в сумку, у мамы кот, он говорил – кота я заберу, все в порядке, и он оказался на машине, и он посадил маму на машину, и привез ее, и она зашла в автобус, было последнее место, и она села на это последнее место, 10 минут – и автобус уехал. Просто вот все вот так, у каждого своя история. Вот серьезно, мы ехали, здесь черное небо, здесь черное небо, над зеленым коридором светлая полоса. Ну, то есть, просто, у каждого своя история, и чудеса были на каждом шагу. И когда мы были уже здесь и оформляли документы, то вот это ж с нас попросили все справки.

[77] И каждый раз просили новую бумажку, каждый раз нам надо было приходиться в МВД со всеми детьми, каждый раз мы сидели огромные очереди, чтобы попасть на прием. И вот всё новые и новые бумажки, и вроде как у нас все есть, и даже то, что мы показывали с телефона, уже приехала моя мама, пока мы вот это ходим, уже она дала нам свои оригиналы документов, уже мы приходим с оригиналами у меня с мужем. А! Вот, день, когда нам должны вписать теудат зеут, всё, это 23-е марта получается, и говорят, тебе мы дадим, мужу мы дадим, потому что он как бы и так гражданин Израиля, а детям мы не дадим. И мы не понимаем, почему, потому что все бумаги, которые нас просили, мы уже собрали. А нам менеджер, которая должна нас оформлять, говорит, дай мне справку о первом триместре беременности и дай мне выписку из роддома. Я говорю, что ничего, что роддом, в котором я рожала этих детей, он сейчас закрыт, потому что рядом взорвалась мина и выбила стекла все.

[78] Где я вам возьму сейчас эту справку? И меня тогда уже тухнуло, говорят, в Израиле общайся нагло, то, когда я им стала это говорить, мне сказали, девушка, разговаривайте с нами красиво, и вызвали охрану, чтобы та стояла рядом со мной, чтобы я разговаривала красиво. И она нам поставила отметку в деле, что нужны апостили на свидетельство о рождении детей, и без этих апостилей не давать нам гражданство для детей. А апостиль это, значит, надо из Украины, потому что мы записались посольство Украины в Израиле или в консульство, я, честно говоря, путаю эти понятия, не разбираюсь. И мы ждали встречу, все встречи отменили, всё. Все люди, которые ждали, они не смогли встретиться, не смогли получить свои вопросы. И, слава Богу, через знакомых знакомых знакомых стали искать варианты,

[79] как сделать этот апостиль. И один наш знакомый узнал, что в Днестре на какое-то количество часов открывается ЗАГС, и благодаря этому, через этот ЗАГС мы смогли оформить повторные свидетельства о рождении для детей, и на эти повторные свидетельства о рождении, сделали апостили и почтой для документов это все было отправлено. Больше месяца мы ждали это письмо, и мы получили это письмо, пошли к нотариусу, который может делать перевод, и он здесь нам сделал перевод каждой страницы на иврит, и мы пришли с этими апостилем, и это было уже здесь, в Хадере, потому что мы уже к тому времени переехали в Хадеру. Уже нельзя было жить у брата, сколько можно.

Int.1: Как вы выбрали Хадеру?

Inf.: Это отдельный сипур. Дети наши религиозные, учатся в религиозных школах и садах.

[80] В Хайфе нам помогли, пока у них нет гражданства, оформить их в садик, чтобы они хоть где-то были, чтобы мы могли ездить и оформлять документы и ездить искать себе квартиру и что-то вообще делать. И семья, которая нам это помогла, они нас еще несколько раз спасали тем, что мы звонили и говорили, что не успеваем вернуться в город, и они забирали наших детей из сада, и наши дети были у них, играли с их детьми, пока мы приезжали. И мы ездили по городам и смотрели. Хайфа мне не понравилась тем, что там холмисто, у меня младшему было год, коляска, ну, физически было тяжело, и мы стали узнавать, хотели посмотреть школу, а нам говорят, а школы хабадской... здесь, ну как бы, не очень, мы все возим в Кирьят-Шмуэль, мы поехали посмотреть Кирьят-Шмуэль, может уже переехать туда и быть там на месте, чего туда-сюда кататься.

[81] А там без машины не очень. Ну, в общем, каждый раз мы ехали и смотрели какие-то новые вещи, и мы себе составили просто список критериев, по которым мы будем выбирать город. И ездили, ездили и в конце концов нам подошла Хадера. Инфраструктура, транспортная развязка, образование для детей. Здесь есть работа, куда можно устроится, там... Слава Богу. И здесь по ценам все-таки подъемно, мы смотрим, что каждая волна олимов здесь оседает, хотя бы на первое время. Ну, и здесь есть все вообще: и русские и французы и вот все абсолютно.

Int.1: Но, ваша община не тут?

Inf.: Нашей общины здесь никого. Единственные знакомые, которые у нас тут есть, это две бердичевские женщины, с которыми мы познакомилась в гуманитарке, то есть мы даже не знали, что они выезжают, и... мы с ними познакомилась, просто помогли им поднести тяжелые сумки, потому что две бабушки пенсионерки,

[82] которые сами тогда тоже в шоке и еле идут, ещё и тащат за собой сумки, то мы им помогли. Познакомились, оказалось, что у нас общие знакомые, потому что Бердичев и Житомир – это города-соседи просто. Вот, а так все наши – это Ашдод, Ашкелон, Кирьят-Малахи, Реховот и Ноф а-Галиль. Асман свою общину забрал в Ноф а-Галиль, Житомир – в Ашкелон, те ребята, которые из Харькова, им рекомендовали Реховот и некоторые киевские тоже поехали в Реховот и вот так рассеялись. Мы ездили, смотрели Реховот, но он нам не подошел.

Int.1: На праздники, где вы встречаетесь?

Inf.: А по-разному. Мы еще смеялись, получается, когда мы жили в Хайфе, то мероприятие было под Хайфой, мы приехали в Хадеру, мероприятие было под Хадерой, ну, каждый раз это разное. Сейчас в основном в Реховоте, потому что Реховот, Ашдод, Ашкелон, то там ближе доехать, и, конечно, вот мы просто из центра, с севера мы едем туда.

[83] Int.1: И вам в Хадере сделали теудат зеуты на детей?

Inf.: На детей сделали, но тоже проблемно, потому что там очень долго нас не пускал просто охранник, он просто не впускал нас даже к менеджеру спросить, мы говорили: у нас все документы уже есть, нам надо было поднести одну бумажку, вот мы ее принесли, дай нам хотя бы зайти к менеджеру. И несколько раз мы вот так приходили к открытию, сидели с детьми до полудня, он просто не пропускал нас на территорию. Потом в результате он сказал, хорошо, приходи до открытия, займи очередь до открытия, потому что у нас же не было электронной очереди. Электронную очередь мы смотрели, это надо было ждать еще полгода. Мы записались, но мы пробовали ходить и так, потому что ну, один документ, показать один документ и все. Мы ходили и ждали. И он сказал, приходи до открытия, и мы пришли до открытия, и он пришел и открыл, и мы говорим – и вот ты нам сказал прийти до открытия, в общем, там были свои истории. В общем, он все равно нас не пускал.

[84] В итоге он разрешил зайти моему мужу, которому можно было подойти только к менеджеру не по теудат зеутам, а менеджеру, как бы, основному, та, которая

распределяет. И тот менеджер ему сказал, что у тебя не хватает еще заявления какого-то, иди и сделай это заявление, то есть еще продлилась история. И мы уже не могли это выдержать, и все уже говорили, как не может быть такое! Вот такие же семьи есть, с такими же историями, у них нет таких проблем. И тогда община Бышедских [?], раввин с рабанит, они подняли этот вопрос, они взяли его на себя, они привлекли к этому какого-то адвоката по подобным вопросам, и этот адвокат звонил мне, звонил мужу и спрашивал информацию и просил фото документов, и пытался разобраться в этом, и они дошли до министерства. И в итоге они все-таки не смогли ничего сделать. И тогда они сказали, что так не должно быть.

[85] Министерство должно помогать репатриантам, а не наоборот мешать им. Пишите статью, мы будем делать как бы через журналистов, мы будем делать через СМИ. Вот так вот. Ну, в общем, мы писали эту статью, я не знаю, пришлось ли ее опубликовать все-таки или нет. Мы просто писали, вот как вы сейчас спрашиваете историю своей жизни и столько – там по датам нас попросили расписать, когда, где мы были, что нам отвечали, какие документы мы получили, какие у нас еще попросили, вот. И все равно это не сработало. И мы пришли в очередной раз уже со всеми этими документами и с этим заявлением, и, слава Богу, просто вот в какой-то момент нас уже принял тот менеджер, который нам дал добро. В процессе, когда мы еще были, нам... у нас был знакомый, который волонтерил в МВД в Иерусалиме, он говорил, приедете, сделаете здесь, какая разница. То он потом там поговорил с консулом, который в Иерусалиме.

[86] И тот ему сказал, что... а я не могу ничего сделать, потому что у них стоит отметка в деле, давать только с этими документами. И это не уровень начальник – подчиненный, что принято уже упразднить эти все законы, что, если бы это начальник – подчиненный я бы сказал, уже есть эти законы, всё, как бы, дай им документы. А так как это уровень начальник – начальник, я не могу сказать другому начальнику, что ты поступаешь неправильно. Ну, слава Богу, к сентябрю уже у детей были теудат зеуты, и они пошли уже в учебное заведение официально, и уже все в порядке, уже здесь.

Int.1: Как вы видите в будущем, если будет, если изменится ситуация, вы будете возвращаться или будете оставаться?

Inf.: Я всегда была девочка, которая копит, и девочка, которая планирует. У нас даже есть семейная история по этому поводу, но после Украины мы поняли, что планировать далеко мы не будем, пока я здесь.

[87] Вот один из моих учителей меня научил тому, что даже если ты где-то временно, живи так, как будто бы ты сейчас живешь здесь. Тебе нужно обустроить быт для того, чтобы твоя голова, твоя душа, все это могло заниматься другими делами. Поэтому сейчас мы настроены, что сейчас мы здесь. Пока мы, да, планируем, что наши дети сентября идут здесь в школу в местную. Пока мы, да, планируем, что здесь, как бы, дети будут продолжать учебу. В этом ли городе, пойдём ли мы куда-то дальше? Мы поняли, что мы не можем планировать. Буквально, там, месяц назад, позвонили моему мужу и говорят, слушай, есть хорошая вакансия, отличная работа, вот такая-то зарплата в Грузии. Напланировали. Ну и мы сели и стали обсуждать, хотим ли мы ехать в Грузию, что это нам даст, только ли работу, что-то еще? Ну, решили, что мы остаемся здесь. Но, опять же, да? Кто знал, что будет это предложение? Никто.

Int.1: А возвращаться на Украину, если все будет хорошо?

[88] Inf.: Пока нехорошо. Когда, слава Богу, объявят мир, то я понимаю, что есть еще какой-то период, когда будет... до безопасного периода еще какой-то процесс должен пройти. Разминирование, новые какие-то законы, новые какие-то порядки. То, пока не обустроится, я туда везти детей не хочу.

Int.1: Вот еще у меня такой вопрос, к Зеленскому ваше отношение поменялось, изменилось?

Inf.: Честно, мне его искренне жаль, как человека, потому что на его голову пришли вот какие-то сплошные страшные катастрофы, которых раньше никто не мог

вообще предполагать. Корона – на него, война на него. Каким бы, вообще, не был человек, то надо иметь огромное мужество, вообще, пережить вот весь этот процесс, этот ужас.

[89] Int.1: А, вот вы бы за него голосовали...

Inf.: Когда-то мы за него голосовали, когда его избирали, то мы за него голосовали.

Int.1: А, то, что он еврей как-то было важно?

Inf.: Честно, нет. Были интересы и взгляды, которые продвигает его компания. На тот момент как бы из президентов в президенты переходила как эстафетная палочка, определенные какие-то вопросы в государстве. Да? Просто, наверное, как надежда на лучшее, да? Надежда, что другой человек что-то поменяет. Было ли стопроцентная вера, это я не знаю. Скорее всего, нет. Просто вот...

Int.1: С украинским языком, как у вас и у ваших детей отношение? [ребенок заходит за тортиком]

Inf.: Вот А. украинский немножко понимает – Розумиєшь українською?

[90] А. немножко понимает. У М., это второй сын, у него, когда он был совсем маленький, он ходил в Анатевку в садик, и у него там была воспитательница, которая говорит на украинском, но, это было очень давно. Я иногда ставила им мультики на украинском языке, то А. воспринимал нормально, ему как-то все равно было на русском он слушает, на украинском он слушает мультики, А М. нервничал, он понимал только отдельные фразы и «мама, включи другое». Младший, вообще, не понимает украинский.

Int.1: А Вы?

Inf.: Я же вильне розмовляю українською мовою.

Соб1: Вы как-то, когда учились?

Inf.: Я была в абсолютно светской семье, как мы уже выяснили, и я училась в светской школе, и там смешенный классы украинский язык, да. Русский язык у меня пропал с класса седьмого или восьмого, наверное, его тогда, вообще запретили. Тогда же была украинизация какой-то период, то я на украинском разговаривала нормально.

[91] И у моего брата был танцевальный коллектив, я его иногда заменяла на коллективе, то было такое, что мне было надо вести что-то на украинском. Плюс я работала какой-то период культ. организатором, документация вся на украинском. Университет весь, вся документация университета на украинском.

Int.1: Вот сейчас нет какого-то отношения вот к русскому, вот, что...

Inf.: Отторжения русского языка у меня нет, потому что в Днепре все разговаривали на русском языке, то есть, это в принципе язык, с которым мы выросли. Это язык моей семьи, потому что они прошли в свое время русификацию, да? И у них наоборот, маме сложно связать два слова на украинском языке, она работала математиком, и когда она еще работала в школе, то надо было вести на украинском, и у нас вот тоже смешные, «взраз продзвенит дзвоник». Ну как бы она просто не может до конца перестроиться. Поэтому я не могу отвергнуть русский, он просто у нас, дети мои разговаривают – младший не знает другой язык.

[92] Int.1: Вы хотите, чтобы они здесь продолжали учить русский?

Inf.: Я их учу русскому, потому что раз они говорят по-русски, то я считаю, что они должны уметь и писать по-русски, и читать, просто потому что это разгово... язык, на котором они разговаривают. Я не связываю войну и русский язык. Плюс наш русский, извините, он все-таки чуть-чуть другой, потому что все равно у нас в Украине чуть суржика, какие-то слова, мы не говорим – свекла, мы говорим – буряк. Мои дети говорят деревня, просто потому что они видели это в мультике, но я, когда с ними обсуждаю, я не могу сказать деревня, я говорю, село, да? Вот какие-то такие фразы тоже. Э... На украинском... к украинскому, наоборот, больше любви появилось, больше тепла появилось. Украинский он стал ближе, более ностальгический, скажем так. И за Украину, в принципе, сейчас болит душа. Мы никогда не думали, что мы будем такими патриотами своей страны, мы всегда, как бы, были нацелены, что, когда-нибудь мы уедем.

[93] А сейчас мы поняли, что мы, в принципе – это же страна, в которой мы выросли, хотим, не хотим, как бы национальность у нас другая, мы в той стране выросли. И у нас там родные улицы остались, у нас там люди остались, у нас там друзья остались даже, поэтому, да, с учетом того, как все происходит, за Украину очень болит душа, у меня там остались родственники, и мы часто смотрим новости, что происходит.

Int.1: Какой-то антисемитизм встречался вам там, пока вы там...?

Inf.: ...жили? Конечно.

Int.1: Да?

Inf.: Еще маленькая во дворе я слышала, девочка, ты, что еврейка? А у тебя по носу все понятно. Когда я в школе училась, то в каком-то году я перешла в другую школу, и новый класс меня так встретил интересно, там был мальчик откровенно антисемит. И он в лицо мне говорил, кто такие евреи и все такое, мы даже один раз подрались с ним на этой почве.

[94] Но я тогда ходила на танцы, у меня была хорошая растяжка, он у меня схватил ногу, поднял так наверх, испугался, что он ничего больше не может с этим сделать, и на этом у нас конфликт закончился. Но как бы, какие-то подколы, какие-то, ну, обидные слова, какие-то вещи с этим связанные были, ну, сталкивались, да. И брата обижали, я помню. Сталкивались.

Int.1: Брат старше, да?

Inf.: На два года. Детям, слава Богу, ничего этого не досталось, наоборот, когда период детей был, то уже в обществе как-то больше было тех, кто любит евреев. Были антисемиты однозначно, мы там были свидетелями случая, когда возле синагоги свиную голову оставляли на копье, ну, то есть, всякое было.

Int.1: Это, где в Киеве?

Inf.: Да. Но, слава Богу, детям наоборот.

[95] Я очень переживала – там, кипа, и как другие дети и всё. Мои дети прыгают на батуте, спадает кипа, другой ребенок подходит, дает и говорит, у тебя шапочка упала, все в порядке, все нормально. Единственное, что – ну вот, были смешные случаи, когда в автобусе бабушка какая-то моему мужу говорит: «Сынку, у тебе светер распустився», что у него щипит висит. А так, ну, в детстве было, в юности было, да. Слава Богу, на работу это не влияло у нас, у родителей – да, а у нас нет. Брата били когда-то.

Int.2: Вы выехали, когда ваша Одиссея закончилась, когда началась и когда она закончилась?

Inf.: По числам?

Int.2: Да, по числам, по датам.

[96] Int.2: Когда вы тронулись и когда оказались в Молдове?

Inf.: 24-го вечером мы выехали в Анатевку, день в день, и в Израиле мы оказались 3-го марта. Мне документы дали 23-го марта, а детям в августе.

Int.1: А в Молдову вы добрались?

Inf.: Мы, получается четыре дня, да? Четыре дня мы были в войне в Украине, и четыре дня мы были в Молдове, Румынии.

Int.2: Ага, родители мужа тоже здесь?

Inf.: Уже да, получается, с родителями мужа непросто, отцов у нас нет, так получилось, что и мой, и его отец умерли еще до нашей свадьбы. Получается, у мужа оставалась мама, оставался мамин брат и дедушка с бабушкой там в Житомире. И, получается, мужа брат на машине вывез их, мы договорились

[97] тоже с очередной автоколонной, он подстроился к ним, он вывез их из Житомира и в киевскую колонну присоединился, он только недавно начал водить, и он еле, конечно, это все вывез. Дедушка к тому времени был почти лежащий уже, и получается, что мужа брат выехал как сопровождающий, как опекун можно сказать. Просто на тот момент без документов опекунства, потому что уже невозможно было их

сделать, то он выехал, как опекун дедушки с бабушкой, и сейчас они живут в Нетивоте. Дедушка лежачий, у бабушки там тоже вопросы, то он метапелет их.

Int.2: Они тоже собираются оседать здесь?

Inf.: Они получается... получается, ну, старшее поколение уже не сможет никуда сами. Там вопрос, как с ними быть, потому что там дед от операции отказался.

[98] Просто там такие ситуации, что они просто уже не контролируют эти процессы. Мама там тоже – она не самостоятельная, она не может самостоятельно принимать решения. То есть, мы ее сюда привезли, она будет здесь, мы ее увезем куда-то, она будет там. Максимум, что – она может найти себе работу, работой, да, она себя может обеспечить. А вот какие-то такие жизненно важные решения она принимать не будет сама. А получается, что у мужа брат, он пока от них зависим, он к ним приклеен, он не может, вообще, он учился в Вене в Лаудере. И по идее он мог бы поехать куда-то в Европу, жить в Европе, у него там была работа, до короны он жил там, и работал там, у них был кейтеринг. Ну, то есть, он неплохо там жил, он уехал из-за короны. Вернее, он в корону приехал к нам, и пришлось уже остаться, потому что была проблема, то он не может просто. Моя мама опять же она приехала к нам, она говорит, я не бежала от войны, я уехала к своим детям.

[99] Потому что вас никого не осталось там.

Int.2: Она сейчас живет с сыном?

Inf.: Она в Хайфе в городе с сыном, ну, как бы уже на другой квартире.

Int.2: Как Вы говорите – основная община, те, кто выехали сюда, они живут в Ноф а-Галиле?

Inf.: В Ноф а-Галиле это те, кто Асмановские, да. Там в какой-то момент предложили поехать туда и организовывать там общину, мы поехали, посмотрели, для детей там действительно очень хорошо, действительно очень хорошо, взрослым там тяжело устроится, там тяжело найти работу, там не очень хорошая инфраструктура.

Int.1: Вы нашли какую-то работу?

Inf.: У мужа, слава Богу, с первого дня работа.

Int.1: Общинная?

Inf.: Получается, реб Ш... реб Шмуэль организовал здесь, организовал организацию, масло маслянное.

[100] Сначала они назывались Mitzva for Ukraine, а потом увидели, что есть много людей, которые выезжают из Белоруссии, из России, которые бегут от этого режима, не хотят его поддерживать, и тогда эта стала организация мицва бе алия, для всех русскоязычных. И сейчас они помогают много, они делают мероприятия какие-то. [ребенок зашел]

Int.1: Сейчас, уже будем заканчивать, уже все. А, вот, еще один вопрос, дети взяли игрушки с собой, а вы что-то взяли вот на память такое вот о доме?

Inf.: Это смешно, но... Ну, с одной стороны, да, а с другой, нет. Шаббатные вещи, которые я выбирала, я выбрала странным образом. Получается, есть биркон, по которому читаешь праздничные благословения

[101] и после трапезные благословения. И я выбрала такой, в котором есть транслитерация на русский язык, чтобы я могла сама сделать детям кидуш, если вдруг мы в какой-то момент будем делать кидуш без папы. И покрывало на халу я взяла то, которое сделала моя мама. На случай, если вдруг мы не увидимся...

Соб1: Мама сделала сама покрывало?

Inf.: Она нам вышила, она любила вышивать. Сейчас здесь почему-то ещё не вышивала ни разу. А там она любила и бисером, и такую вышивку, и она делала сама. И когда я выбирала какое взять, я взяла это. Детям их одеялки, без которых они не расставались. Какие-то вещи мы потом попробовали переслать сюда. Получается, у нас там осталась съемная квартира, какое-то время мы еще ее оплачивали, мы связались с хозяйкой. У нее тоже очень, конечно, тяжелая ситуация, там нееврейская семья, но,

получается, хозяин, у которого мы сняли квартиру, он заболел короной и лежал в больнице.

[102] И уже в войну уже там в какой-то момент он скончался, и мы уже вели разговор с хозяйкой квартиры и попросили ее попреридержать квартиру за нами, мы не понимали на какой период эта война. И мы оплачивали арендную плату просто в два раза меньше, если бы мы там жили, и она за нами придерживала несколько месяцев, потом сказала, что все, я больше не могу. Мне надо эту квартиру или пересдать, или продать, или что-то с ней делать, будет заниматься другой человек этим, и нам надо было срочно вывести вещи. И у нас осталась няня, которая как родная, как член семьи нам была, и мы ее попросили – она, вообще, сама из Коростыни или Коростышев, и она, получается, когда была в Киеве, когда не была. И вот каждый раз, когда она приезжала в Киев, она выбирала время прийти на нашу квартиру, по разбирать вещи. Очень много мы просто раздали.

[103] Кто-то по Киеву собрал, что-то мы оправили в Анатевку, какие-то вещи мы попробовали переслать на мамину квартиру в Днепр, и одну посылку мы попросили сюда. Некоторые книги и вот какие-то памятные вещи она сама нам уже положила, там из роддома детские вот эти карточки, такие какие-то вещи. Есть очень много, конечно, за что болит душа, что осталось там, там какие-то памятные, что-то такое или что-то, которое просто невозможно было вывести. Там, например, дети плачутся по спортивному комплексу, я его купила, продала свои волосы, чтобы купить детям спортивный уголок. Ну, то есть, такой – мы очень давно хотели, у нас все как-то не получалось накопить на него и вот так, чтобы была большая сумма, то так. Но, он объемный, его нельзя было вывести, но, слава Богу, мы отдали семье, в которой это пригождается. Старая швейная машинка зингеровская, вот какие-то такие, ну, и наши памятные, там какие-то фотографии и какие-то вещи, сувениры. Это все это там.

[104] Int.2: То есть, вот из этой группы, с которой вы ехали, какой процент отправился в Израиль, какой процент отправился куда-то еще?

Inf.: Я знаю не весь автобус, кто ехал с нами. Те люди, которые были на машинах, я, вообще, знаю только отдельные семьи, ну, то есть, с которыми мы были знакомы уже там... Мне кажется, что больше половины, я вижу здесь на мероприятиях, когда мы встречаемся. Кто-то, там, например, одна девочка точно я знаю, оставалась там, потому что муж у нее остался там, и она планировала ехать в Заречаны, а не в Молдову, то она вышла еще там, и они искались, как встретится в Украине, там у них тоже отдельная своя история. Они и сейчас там. Я знаю семьи, которые здесь, но они планируют возвращаться обратно.

[105] Я знаю, кто приехал сюда, но выехал куда-то в другую страну, не смог здесь прижиться. В процентном соотношении – ну больше половины, сейчас здесь еще.

Int.2: Ваши знакомые пока все планируют оставаться?

Inf.: Нет, не все, я же говорю, есть люди, которые планируют, просто кто-то уже уехал, а кто-то ждет, кто-то хочет дождаться даркона, кто-то ждет, когда в его городе будет относительно тихо, какой-то период хотя бы, по-разному. Кто-то ждет конца учебного года.

Int.2: В городе, то есть, они далеко не все киевляне, то есть тот же Днепр, Харьков, то есть сборная солянка?

Inf.: Да. Мы уже не можем как-то отделить одно от другого.

Int.1: Спасибо большое. Спасибо.

Int.2: Мы Вам оставим контакты.

[конец записи]